

Все знают “Сирень” Врубеля, а вот его “Розы”, далеко не второстепенный сюжет в его творчестве, к сожалению, мало известны. Может быть, потому, что крупное живописное полотно “Сирень” находится в постоянной экспозиции Третьяковки, а небольшие акварельные “Розы” обычно прячутся в запасниках и возникают перед нами, “как гений чистой красоты”, лишь на редких выставках работ художника. А ведь “Розы” можно отнести к лучшим образцам, к шедеврам творчества Врубеля. Они воплощают все характерные черты блистательного дарования Михаила Александровича.

Но, дерзну утверждать, “Розы” отражают и глубоко личностное состояние Врубеля. Он пишет цветы не сами по себе, не просто как украшение природы, не для пробы “пера” — они чаще всего “расцветают” в его творчестве в периоды сильнейших его увлечений. Михаил Александрович, человек замкнутый, скрытный, застенчивый и трудно сходящийся с людьми, высказывает “розам” свои подчас затаенные чувства. Но как высказывает! В ярком “розовом” великолепии, трепетной красе, тонком благоухании, когда каждый лепесток живет, дышит, радуется бытию и, кажется, молит о любви. Нет, нет! — это не плотские, требовательные цветы, какие они, положим, у Коровина. Напротив, лиричны светлостью настроений, нежны, прелестны в своем сокровенном желании, в томном ожидании, в надеждах на счастье.

Первый “цветовой” прорыв Михаила Александровича падает на 1884 — 1886 годы. Что тогда произошло? По приглашению историка искусства профессора Адриана Викторовича Прахова он приезжает в Киев для реставрации Кирилловской церкви. Он делает для нее и собственные композиции, ныне всемирно известные. Реставрирует также росписи в куполе Софийского собора, исполняет ряд образцов его иконостаеса. Наконец, готовит эскизы росписи Владимирского собора. Живет Михаил Александрович в доме Прахова и страстно влюбляется в его жену Эмилию Львовну, очаровательную, умную и широко образованную женщину. Пишет сестре из Венеции, куда направлен изучать фрески великих итальянских мастеров: “Жду не дождусь конца моей работы, что-

бы вернуться... А почему особенно хочу вернуться? Это дело душевное, и при свидании летом тебе его объясню. И то я тебе два раза намекал, а другим и этого не делал”. Но его любовь не получает взаимности. Уже из Киева он горестно сетует сестре: “Что тебе сказать о том, что я тебе намекал. Чуть-чуть хороших минут, более тяжелых и гораздо более безразличных...”

Когда у Врубеля “хорошие минуты”, тогда рождаются лики Богоматери с безусловными портретными чертами Эмилии Львовны. Пишет акварелью “Розы” — но где пишет?! На обороте листа с этюдом иконы “Богоматери с младенцем”, натурой которой опять-таки стала Эмилия Львовна. Но какие это потаенные “Розы”! Действительно, намек на “душевное дело”, скрытое ото всех. И уже восторженным гимном звучит россыпь великолепных пышных роз в этюде “Воскресение” для росписи Кирилловской церкви — они словно брошены под ноги Богородицы — Эмилии Праховой. Когда же Врубель низвергнут “тяжелыми, безразличными минутами”, то изображает “Демонов” с обликом той же роковой женщины. Демонические образы становятся центральными в его творчестве — они олицетворяют боль и страдания, надежды и безысходность, счастье достижения высот духа и безжалостное падение в бездну действительности. В страшную, жуткую бездну, наполненную демонами, которая в конце концов приводит Врубеля в психиатрическую больницу.

Но даже “Демоны” сопровождают розами. И цветы эти — зловещие, жуткие, не существующие в природе, а рождающиеся в болезненном воображении художника, в его изощренно-фантастических видениях. Уже позже, в Абрамцево, Врубель в живописном “Сидящем Демоне” для каминного экрана набросал на подвернувшимся под руку листе нотной бумаги удивительный орнамент из тольпанов.

Сердечные его волнения проявляются и в превосходном букете пионов в темном керамическом кувшине, и в роскошной розе в руках “Девочки на фоне персидского ковра”, и в акварельном портрете Т.С.Любатович в роли Кармен — огромные алые розы в волосах и на платье певицы. Слово из темного хаоса неожидан-

ным солнечным лучом высвечиваются белая хрупкая азалия и цветок шиповника в черной вазе. Богатыми цветочными мотивами украшены... балалайки, написанные уже в Талашкино, под Смоленском, у княгини Марии Тенишевой. А еще цветочная мозаика камина “Микула Селянинович и Вольга”. А еще — акварельная “Девушка в венке”...

Но вернусь в Киев. Здесь произошло событие, быть может, случайное и ничем для Врубеля не примечательное, но которое обернулось истинным открытием для русского искусства. Михаил Александрович для заработка стал давать уроки акварельного письма светским дамам Н.Я.Мацневой и Е.П.Бунге, с которыми познакомился в доме Праховых. Но педагогическим даром он не обладал, и на первых порах у него ничего не получалось. Да и, кроме сурьезных цветов, его ученицы ничего не умели писать. Тогда учебный процесс устроили по-другому: Врубель молча писал цветы, а дамы старательно их копировали. Свои учебные штудии, которым Михаил Александрович не придавал никакого значения, он оставил дамам на память. Бунге собрала их все — десять акварелей и рисунков. Единственная в своем роде коллекция цветов, каждый цветок и лист которой, по справедливому замечанию искусствоведа Н.А.Дмитриевой, “возводится как бы в перл создания”. Позже Е.П.Бунге преподнесла эту коллекцию Киевскому музею русского искусства, где они и хранятся до сего времени.

Но самые великолепные розы Михаил Александрович преподнес своей жене Надежде Ивановне Забеле-Врубелю. Прежде всего в ее портрете на фоне березок, написанном осенью 1904 года. Писал их уже серьезно больным в психиатрической клинике профессора Ф.А.Усольцева. На картине изображены розы у корсажа Надежды Ивановны. Сообщает ей в Швейцарию, куда она уехала на лечение: “Все 32 березки нарисованы и остается их оживить красками. И еще осталось кофточку и розы на поясе. Вечером. Не писалось утром. В.А. (Вера Александровна Усольцева. — Е.К.) принесла две розы, и я устроился у них в столовой (так как день был чудесный и ели и пили на террасе), в которой окно на север. Я писал до вечернего чая и

написал обе. Теперь мне осталось одна... Письма Михаила Александровича жене полны нежности, благодарности и признаний в любви, словно принадлежат они пылкому юноше, а не пятидесятилетнему мужчине, притом мужчине суховатому, сдержанному в проявлении своих чувств: “Милая моя, дорогая Надежда”, “Драгоценность моя бесценная”, “Дорогая моя женщина, чудесная женщина, спаси меня от моих демонов...” Наконец, прямое сравнение: “Фиалка моя, роза моя Ширазская... Ни йоты не возьму назад из моего последнего письма; еще прибавлю: я раб твой, что подумашь только, сделаю... Я не способен и несколько часов провести в разлуке с тобой...” Каждое письмо меня встречает с благодарностью, как дар Божий, как предзнаменование выздоровления и своего счастья. Все свое будущее связывает только с Надеждой Ивановной.

“Фиалка моя, роза моя” — олицетворением этих сравнений, признанием сердечных своих устремлений и стала третья роза, написанная для того же “Портрета Надежды Ивановны Забелы-Врубеля на фоне березок”. Более того — это последняя роза, которую Михаил Александрович создал в своей жизни. Исполнена она как вполне самостоятельное произведение в 1904 году акварелью и карандашом и находится ныне в Третьяковской галерее. Белоснежно-малиновая, стоит она в стакане с прозрачной водой, что подчеркивает хрупкую прелесть, изящество и чистоту ее образа. Сложного образа, вобравшего в себя тончайшую гамму человеческих переживаний: затаенную страсть и трогательную беззащитность, молитву и покаяние, желание святости и поклонение греху, мольбу любви и печаль, грусть оттого, что все прекрасное когда-то кончается.

А сколько трепетной жизни в этой “Розе”! В каждом ее лепестке, в отсветах невидимого солнечного луча, в тончайших цветовых переходах... Той жизни, которая уже уходила от Врубеля. Эта “Роза” стала прекрасным и прощальным аккордом всей той жизни, венцом его искусства, лучезарным завершением волшебства гения.